

предать начальнику Главного морского штаба. Но когда меня спросили, давал ли я разрешение, то я ответил, что, очевидно, давал, так как начальник ГМШ обычно такие вопросы не решал без моего ведома. Отвечаю я.

Было решено судить нас судом чести. Нашли врагов народа! Все четыре адмирала честно отвоевали — и вот, пожалуйста, на суд чести! Во главе этого дела был поставлен маршал Л. А. Говоров. Порядочный человек, но "свое суждение иметь" не решился и по указке Булганина, где, можно, слушал краски.

Но вот обвинения оглашены, решение о передаче дела в Военную коллегия Верховного суда объявлено.

Пошли мучительные дни ожиданий, полные неизвестности. Наконец, нас вызвали в военную прокуратуру для снятия официальных показаний; через несколько дней снова вызов в прокуратуру.

В субботу мы все получили приглашение явиться в понедельник в Наркомат ВМФ без указания цели и причин.

Понедельник принес нам мало приятного. К 10 часам мы были отправлены на машине в Военную коллегия Верховного суда в полуарестованном состоянии. Около нас еще не было часовых, но в то же время нам не разрешалось отлучаться из здания, в которое нас привезли и где, как выяснилось, и должен был состояться в тот же день суд над нами.

Наконец, через несколько часов нас по всем правилам судебного искусства ввели в судебный зал и посадили на скамью подсудимых.

Первым читалось дело Алафузова. Обтекаемое обвинение — приговор — 10 лет заключения. У меня пронеслось в голове, что если пойдет по восходящей, то мне возможна "высшая мера". Терпи, казак! Следующим был Степанов — ему также дали 10 лет. Ребус еще не был разгадан. На очереди был Галлер, ему дали четыре года. Ну, значит, двоим по десяти и двоим по четыре года, решил я. Итого 28 лет. Вот что сделали записка карьериста Алферова и чакость Булганина. Но я ошибся. Меня освободили от суда, но предложили понизить в звании до контр-адмирала. "На три сверху", как выразился Г. И. Левченко, когда его спросили в тот день о моей судьбе.

Приказание "привести приговор в исполнение" поставило точку над "i", и мы, разделенные, тут же начали нести наказание.

Среди весьма печальных воспоминаний, связанных с этим эпизодом, есть одно хорошее: я удовлетворен был лишь тем, что во всех случаях брал вину на себя и не обвинил никого из своих адмиралов. Об этом я говорил с ними (с Алафузовым и Степановым), когда они, выпущенные после реабилитации в 1953 году, обедали у меня на квартире. На мой вопрос, чем я повинен перед ними, сказали, что я вел себя не только достойно, но и отважно, рискуя собой.

Я некоторое время походил без дела на правах "неприкасаемого" и стал просить использовать меня на какой-нибудь работе. Решил этот вопрос лично Сталин. Он послал меня в Хабаровск заместителем главкома по Дальнему Востоку к Р. Я. Малиновскому. Встретивший меня случайно в Кремле Молотов — ведь я оставался членом ЦК (всего более семнадцати лет) — инскаательно произнес, что "придется на некоторое время съездить туда".

Были еще силы. Были еще сносные нервы, и я, не тужа, отправился на Дальний Восток, благо я там уже бывал и даже полюбил в свое время те края... После естественных переживаний я успокоился и взялся за работу в Хабаровске. Много ездил от Камчатки до Порт-Артура. Был несколько раз на Сахалине и в Дальнем. Через год был по второму разу назначен командовать Тихоокеанским флотом.

Служил я "исправно", без обид на неза заслуженное наказание. Поддержкой мне было хорошее отношение как моих ближайших помощников, так и рядового личного состава. Все как-то понимали, что со мной случилось несчастье, как своего рода неизбежная в море случайность.

Новый очередной крутой поворот совершился летом 1951 года.

...В маленьком зале Кремля, где обычно проходили не очень многолюдные совещания старших руководителей, было собрано Политбюро ЦК под руководством Сталина.

На этом совещании моряков Сталин сидел в стороне. Председательствовал Маленков. Предложили всем командующим флотами высказаться о делах в ВМФ. Я понимал, что мне, бывшему нарком, надлежит серьезно подготовиться и продумать свое выступление, и потому записался для выступления только на следующий день. Выступил. Ни слова по адресу И. С. Юмашева, что считал при всех обстоятельствах неприличным, а ограничился общими флотскими недостатками, требующими помощи Сталина. Сталин, не проронивший ни слова, что-то писал на бумаге, не прерывал меня. Нас отпустили. Сталин только сказал, что "Юмашев пьет", и предложил подумать о его замене.

Все ждали указаний свыше. На следующий день собрались уже в другом помещении (кажется, в кабинете Маленкова), и на вопрос, что мы надумали, естественно, никто не ответил. Тогда председатель взял слово и сказал, что они на Политбюро обменялись мнениями и решили "вернуть Кузнецова". Признаться, этого я никак не ожидал! Возражений не было...

Капризы судьбы иногда были тождественны капризам Сталина. Он приказал снять меня, когда был недоволен моей настойчивостью, а окружение охотно поддакивало (даже в случае, если бы он решил меня арестовать). Когда я служил на Дальнем Востоке (1948—1949 г.г.), то чаша весов могла склониться как в сторону реабилитации, так и в сторону более строгого наказания. Позднее, работая в Москве, я услышал от самого Сталина, что "кое-кто" настаивал на том, чтобы "посадить" меня, обещая "важный материал" (о том, что я английский шпион). Я и сейчас прихожу в ужас, представляя, на каком волоске висела моя судьба. Но ей было угодно подсказать Сталину вернуть меня на работу в Москву, когда появились серьезные претензии к И. С. Юмашеву...

Встал вопрос, что же делать с моим званием. Обсуждали, восстановить мое прежнее звание или дать звание адмирала. Я возразил. Либо восстанавливать и признавать первое решение неправильным, либо оставить его в силе.

Так, по второму разу, я надел погоны Адмирала Флота Советского Союза, что равнялось по уставу Маршалу Советского Союза. Это было в 1953 году. Я снова выбрался на "большую дорогу", обогатившись опытом, как следует вести себя и как находить наиболее разумную линию поведения между соглашательством с совестью и безупречной честностью. Но это не помогло. К тому же я, "набив себе шишку", одновременно закалился и убедился, что все-таки следует отстаивать государственные интересы и ставить их выше личных. Может быть, это громко сказано, но это так, и я этим горжусь. Не будь я таким при Хрущеве, то, может быть, сохранил бы свое положение...

Сначала все шло хорошо. Но постепенно назревал новый конфликт. Очень сложные отношения с Г. К. Жуковым постепенно стали чувствоваться сначала за кулисами, а потом вышли наружу.

И вновь произошел очередной крутой поворот в моей жизни.

Когда в 1947 году я был переведен на другую работу, Сталин еще лично руководил совещаниями как гражданских, так и военных. Когда же я вернулся на работу в Москву в 1951 году, обстановка была уже совсем иная. Даже на совещании в ЦК по флотским вопросам (замена Военно-морского министра) он был всего два раза, а затем поручил вести его своим заместителем.

В разговорах (у себя в кабинете он появлялся все реже и реже) все чаще жаловался на старость, говоря полусерьезно, что ему все чаще приходится нервничать и ругаться. За последние полгода я видел его два раза. Руководство делами перепоручил своим замкам. Крупные вопросы было придумано решать "тройками" или "пятерками". Маленков и Берия были тогда у Сталина в почете. Молотов — в тени, а его жена — П. С. Жемчужина — находилась в заключении. В то время Булганин всеми силами старался попасть в состав "всесильной тройки". Выработанные проекты решений посылались Сталину на утверждение.

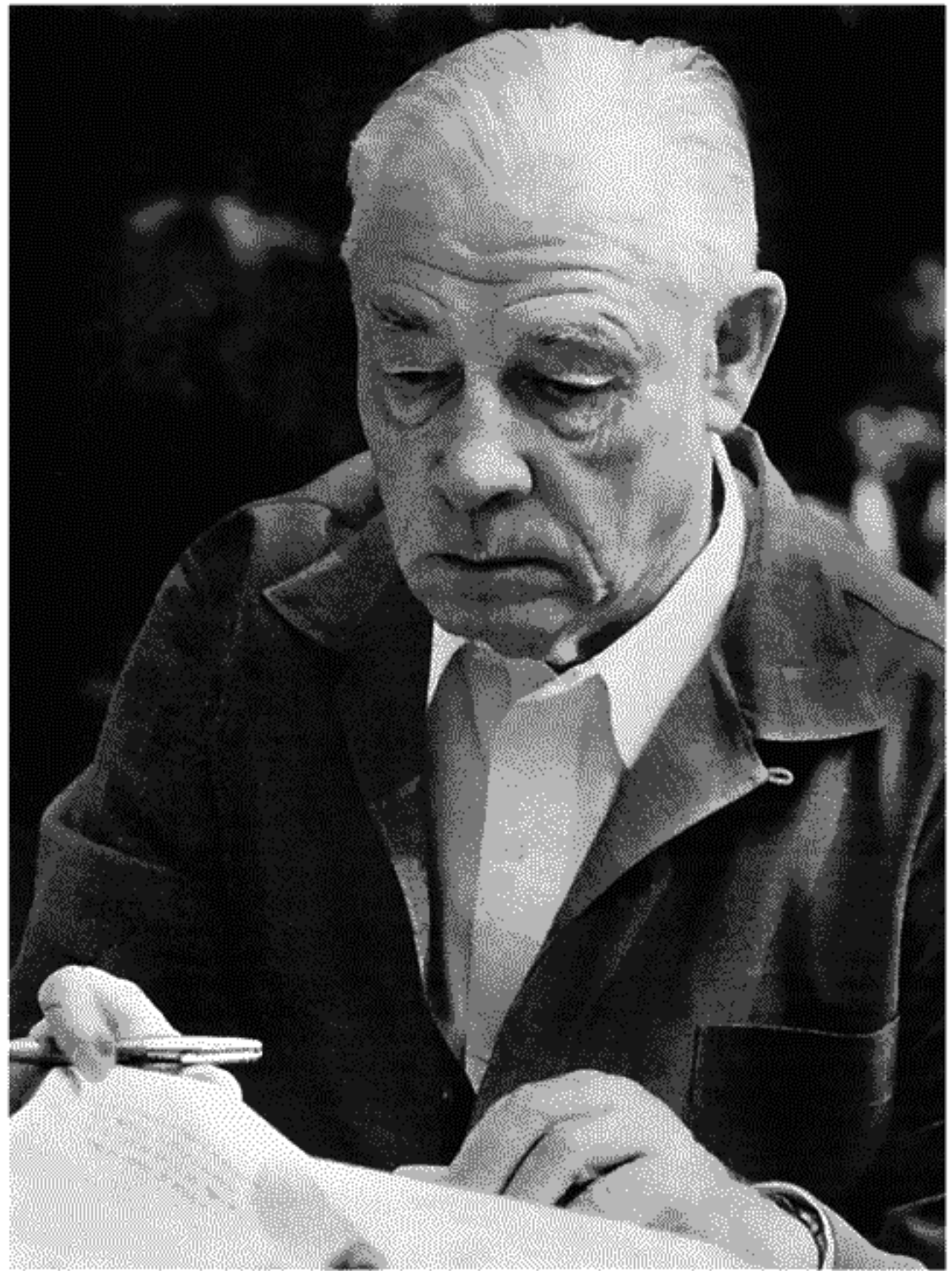
На наших глазах происходило снижение активности Сталина, государственный аппарат работал все менее четко. Существовали только умелые отписки. Отправление бумаг в адрес какого-нибудь министра формально снимало ответственность с одного и не накладывало ее на другого, и все затихало "до лучших времен". Все понимали, что в государстве происходит что-то ненормальное, образовался какой-то "центропоз", по выражению самого Сталина, но изменить положение никто не брался, да и не мог. Руководители министерств стали приспосабливаться к такой бессистемной системе.

Мое назначение наркомом ВМФ совпало с периодом самого широкого разворота строительства Флота. Тогда были приняты решения по созданию "крупного морского и океанского флота" — этим лозунгом еще серьезно руководствовались ближайшие помощники Сталина — Молотов, Жданов, Каганович и другие, и большая судостроительная программа реализовывалась полным ходом. Во главе Наркомата судостроительной промышленности находился умный и энергичный И. Ф. Тевосян. С другой стороны, к этому времени на флотах произошли крупные перемещения руководящего состава и было выдвинуто много молодых и недостаточно опытных командиров.

Основными вопросами, которые я готовил и должен был лично докладывать, были вопросы по утверждению оперативно-тактических заданий на заложенные или закладываемые корабли. Если совещание было небольшое, то собирались, как правило, в кабинете Сталина, а если приглашенных было много, то в одном из небольших залов в

Кремле. Предварительная подготовка всех вопросов поручалась Молотову и Жданову, и они, передавая те или иные указания Сталина, требовали доложить им подготовленный мною вопрос или документ. С первых же заседаний мне бросилось в глаза, что предварительная подготовка для моих "шефов" не имеет большого значения. Они весьма просто меняли свои мнения, высказанные еще вчера, если Сталин высказывал свои, являвшиеся для них законом. Противоречить никто не решался. Но решающее мнение Сталина часто не совпадало с моим, как специалиста-моряка, а я не мог рассчитывать на поддержку Жданова или Молотова и должен был полагаться только на себя. Что мне не следует надеяться на кого-либо, а нужно самому стараться доказать все Сталину, это я понял сразу. Сталин никогда раньше не соприкасался с флотом. Если армейские вопросы его занимали еще в годы гражданской войны и в мирный период строительства Вооруженных Сил, то с флотскими проблемами правительство вплотную столкнулось в середине 30-х годов. Проводимая политика и выход страны на мировую арену подсказывали, что без флота делать это уже невозможно. Национально-освободительная борьба в Испании явилась одним из ярких тому доказательств. С одной стороны, я наблюдал доброжелательное отношение Сталина к флоту, с другой — видел его недостаточную компетентность в морских вопросах и нежелание прислушаться к морякам-специалистам.

После XVIII съезда партии мнение Сталина считалось уже неоспоримым. Беру для примера всего один крупный вопрос — судостроительная программа. Неизвестно почему, скажем, нравилась Сталину тяжелые крейсера, и никто не смог высказывать иного мнения. "Сталин обещал голову снести тому, кто будет против этих крейсеров", — сказал мне однажды крупный работник Наркомсудпрома А. М. Редькин. И все молчали.

Но это было до Великой Отечественной войны. А Сталин предложил заложить такие же крейсера и после войны, когда это уже было нелепо, и снова непрерываемость его мнения сыграла отрицательную роль. Это и был культ в отдельной — флотской отрасли.

Когда закончилась война и встал вопрос о новом плане судостроения, разгорелись споры с представителями Наркомата судостроения, а после моего ухода они провели у Сталина все свои положения во вред делу. Так, они согласились на постройку тяжелых крейсеров, которые явно после войны были не нужны современному флоту. Так, ввиду трудности постройки были "зарезаны" авианосцы, на которых я настаивал; так, мы долго задержались на старых подлодках. Много, много подобных вопросов было решено после войны явно неправильно и во вред делу только потому, что Сталин, не понимая их, уже никого не слушал и не терпел возражений. Судостроители же (Мальшев и Носенко) исходили из интересов своего ведомства, а моряки не были в состоянии доказать свою правоту. В это время особенно отрицательно сказались неустойчивая позиция Жданова и Булганина, которые не хотели возражать Сталину.

После войны, когда окружение Сталина соревновалось в угодничестве, встречи с ним стали редкими. Почти все вопросы, в том числе и военные, теперь решались его заместителями. Наш наркомат был упразднен. Фактически наркомом или министром обороны являлся Булганин. С флотскими делами стало совсем худо. Не любя флота, а также не желая разбираться в его сложных и дорогостоящих проблемах, он старался где только можно "завдвинуть" их на задний план или решить в пользу Наркомсудпрома.

Редко появляясь в Кремле (а больше на ближней даче), Сталин после настойчивых просьб принимал всего на несколько минут, как всегда, в окружении своих ближайших помощников. Тратит время на "приятные" доклады мне не хотелось, и я обычно начинал с самого трудного, а стало быть, с самого неприятного. Большинство из присутствовавших слушали это недоброжелательно или, в лучшем случае, безразлично. Булганин же метал взгляды: доклады, как правило, шли вразрез с его мнением или прямо содержали жалобу на него. Если Сталин поддерживал меня, то все поддакивали, и принималось нужное мне решение. Чаще же всего было иначе. Стоило ему высказать сомнение в правильности моих доводов, как все дружно утверждали, что я не прав. В таком случае разумнее всего было "смаывать удочки". Но я по своему упрямому характеру продолжал настаивать и доказывать.

Когда в 1951 году при загадочных для меня обстоятельствах я снова очутился в должности министра ВМФ, физически слабый Сталин уже совсем не хотел слышать про недостатки. Зная об этом, окружение тешило его докладами розового цвета. "Не следует беспокоить вождя", — сказал мне однажды Маленков, когда мы отправлялись на дачу. Он знал мой строптивый характер. Но и я знал, что предметом разговора будет как раз мой большой доклад Сталину о крупных недостатках в судостроении. Откладывание из года в год всех сложных вопросов по судостроению привело к тому, что выпускались только старые корабли. Вот об этом я и написал. Когда расположились за столом, Сталин поднял мой доклад и, обращаясь ко всем, спросил: "Так ли это?" — "Кузнецов бросает краски", — бросил кто-то реплику. "Ну, посмотрите", — ответил Сталин и бросил доклад на середину стола. Решили к другим вопросам, и я понял, что все это мне даром не пройдет. Вместе со своим докладом я был отдан в руки "тройки": Булганин, Берия, Маленков. Вот здесь и нужно искать причины моих дальнейших злоключений.